

Эдвард Кейси

О типах границ и их роли в критических ситуациях

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_32

Edward S. Casey

Borders and Boundaries: How This Plays Out in Critical Situations

Эдвард Кейси (Университет Стоуни-Брук;
почетный профессор; PhD) edward.casey@
stonybrook.edu

Edward S. Casey (PhD; Stony Brook University;
Distinguished Professor Emeritus of Philosophy)
edward.casey@stonybrook.edu

В статье демонстрируется, как различия между видами границ, описанными в моей книге «Мир на грани», проявляются в ряде исторических и современных ситуаций. Я рассматриваю, каким образом река Рио-Гранде, разделяющая США и Мексику, фигурирует в текущих дискуссиях о миграции в Соединенные Штаты. Я также уделяю внимание тому, как нынешний конфликт между Израилем и Палестиной можно осмыслить в категориях двух типов границ. Столь отличающиеся в иных отношениях конфликты иллюстрируют реальную значимость различий между разновидностями границ.

In this paper, I demonstrate how different types of borders which I explore in my book “The World on Edge” can be traced in various historical and contemporary cases. I examine ways in which the Rio-Grande River that divides the USA and Mexico appears in current debates on migration in the United States. I also pay attention to an ongoing conflict between Israel and Palestine that could be reviewed through the lens of two types of borders. Conflicts, so shockingly unlike in other dimensions, illustrate the real importance of differentiation between types of borders.

Границы-линии (borders) и границы-полосы (boundaries) представляют собой две разновидности рубежей, где рубеж — это не «граница [твердого] тела», как пишет Платон в «Меноне», а нечто, обладающее собственной динамикой. Если бы рубеж выступал простым пределом, его определение сводилось бы к чистой негативности: это место, где что-то заканчивается, переходя в ничто. Скорее сами рубежи могут быть активными, символизируя не только окончание, но и начало: примером может служить состояние, когда мы находимся на пороге новой идеи, которая зарождается в сознании. В книге «Мир на грани» я показываю, что за гранью может открываться целая вселенная, в которую мы получаем исключительное право доступа. Так, когда мы впервые видим что-то новое, воспринимаемые очертания этого явления служат порогом вхождения в его постижение: например, когда мы замечаем пролетающую птицу, контуры внешних краев ее крыльев символизируют способность к полету.

Границы-линии и границы-полосы являются двумя основными видами рубежей. Первые представляют собой четко очерченные края частей одного и того же объекта, в частности границы одной территории, отделяющие ее от другой, прилегающей к ней, — скажем, границы различных регионов Сибири. Обычно такая граница обозначается непрерывной чертой — демаркационной линией, длину которой можно исчислить в тех или иных единицах измерения и, следовательно, зафиксировать на карте. В противовес этому, границы второго типа противостоят линейности. Они по своей сути нечеткие, проникае-

мые и, как правило, связаны с природными объектами: примером могут служить очертания реки, меняющей форму в зависимости от уровня осадков. Если границы первого типа отделяют друг от друга различные страны или территории, то границы второго типа соединяют соприсутствующие части одного и того же явления, как в случае «прибрежной полосы» или «берега реки». Такие границы даже могут считаться «первопричиной вещей», как утверждал Ямвлих. Они являются частью места или региона, образуя его внешний край. Они не обособляют, а размыкают пространство вовне, навстречу другим участникам того же места или региона.

В конечном счете два вида границ дополняют друг друга: один служит для различения и отделения, другой — для размыкания и соединения, образующего непрерывность. Оба необходимы: один для того, чтобы ориентироваться в мире, понимаемом как совокупность определенных регионов, которые необходимо отличать друг от друга; другой для того, чтобы вновь связать в единое целое мир, расчлененный на отдельные части непрекращающимися процессами размежевания. Края пейзажей — природных или нарисованных — подобны границам второго типа в своей неопределенности, тогда как очертания границ первого типа могут быть представлены в виде линий — например, на картах и схемах. Границы-линии представляют собой конкретные сущности, измеримые в милях или метрах, полосы же (вос)соединяют то, что линии разделили, или предшествуют разграничениям, вводимым подобной демаркацией.

Взятые вместе, эти типы границ являют собой два основополагающих способа, при помощи которых целые жизненные миры обретают свои очертания. Границы-линии и границы-полосы находятся друг с другом во взаимодополняющих отношениях: первые служат задачам определения и размежевания, вторые — заземления, принятия и размыкания. Как я пишу в книге, «границы-линии огораживают и отсекают, границы-полосы открывают миру и размыкают вовне»¹. И те, и другие необходимы для осмысления жизненного мира, который иначе был бы невнятен, лишен четкой формы и ориентиров.

Рассмотрим два конкретных примера границ разных типов — один из XIX века, а другой вполне современный.

а) Мирный договор 1848 года, получивший название Гуадалупе-Идальго, положил конец Американо-мексиканской войне. Согласно этому документу, фактической границей между двумя странами становилась Рио-Гранде — большая река, окаймляющая Техас с юга. Она простирается от Браунсвилла до Эль-Пасо и в своем течении неоднократно меняет ширину. Иногда уровень воды поднимается от весенних ливней, а порой (обычно летом) значительно опускается, причем река мелеет настолько, что мигранты могут буквально перейти ее пешком. Возможно, вам встречались упоминания недавней драмы, разыгравшейся на Рио-Гранде, когда губернатор Техаса Грегори Эбботт присвоил себе право «защитить» этот штат от потоков мигрантов, прибывающих с юга. По приказу губернатора дно реки устлало колючей проволокой, в которой люди запутываются — некоторые из-за этого не могут выбраться из воды и гибнут.

Рассмотрим эту ситуацию внимательно. Как явление природы Рио-Гранде является, согласно моей классификации, границей-полосой — периметром естественного ландшафта, который устанавливает собственные границы: река

1 Casey E. *The World on Edge*. Bloomington: Indiana University Press. 2017. P. 15.

то бурлит, переполняясь водой, то пересыхает. В обоих этих случаях и во множестве промежуточных случаев Рио-Гранде представляет собой скорее изменчивую *полосу*, чем что-либо иное, учитывая переменчивый уровень воды в этой реке. Однако та же самая река служит и пределом первого типа — официальной границей между Мексикой и США. В этом смысле она имеет *линейный* характер и именно так представлена на картах этого региона — в виде непрерывной линии. Но *где именно* пролегает граница? Посередине реки? Но сама эта середина меняет местоположение в зависимости от погодных условий. Таким образом, здесь мы видим пример того, как границы двух типов соединяются, хотя их взаимное наложение неустойчиво по своей сути.

В этом смысле картографические репрезентации этой границы обманчивы, потому что они сводят ее к неизменной линии и утверждают в этом качестве, тогда как граница-полоса, столь же значимая для отделения США от Мексики, по определению подвижна и изменчива. На этом примере мы видим неустойчивый союз границ двух типов, физически и концептуально смыкающихся в реке, которая протекает между странами и служит им различительным рубежом. Эту ситуацию едва ли можно назвать уникальной, особенно в том, что касается двусмысленной роли рек в определении границ сопредельных государств. Именно из-за этой двусмысленности вдоль почти всей официальной границы между США и Мексикой была воздвигнута стена — массивная железобетонная конструкция, дающая мигрантам понять, что в Соединенных Штатах не рады наплыву беженцев-нелегалов.

Ситуация, которую я описал: неустойчивое сочетание границ двух типов в одной-единственной реке — выглядит парадоксально. Но с экзистенциальной точки зрения намного более неотложного внимания требует притягательность Рио-Гранде для мигрантов, которые тысячами устремляются к ней из Центральной Америки и многих других регионов мира, в том числе из таких далеких стран, как Китай. Они стремятся пересечь реку (часто при помощи «проводника», который берет деньги за свои услуги), потому что знают, что, перебравшись на американскую сторону, смогут просить убежища в США, несмотря на недолжные усилия губернатора Эбботта, направленные на то, чтобы никто не достиг американского берега. Граница-линия, укрепленная стеной, в данном случае недвусмысленно служит препятствием, тогда как роль границы-полосы остается неоднозначной: она одновременно открывает возможность пересечь рубеж и создает этому препоны. Границы двух типов объединяются в противоречивый комплекс, внутренняя сложность которого подчеркивает проблематичность ситуации в целом.

На этом примере мы можем наблюдать, как два совершенно различных феномена, граница-линия и граница-полоса, порой сталкиваются внутри единой совокупности обстоятельств, имеющих глубинные экзистенциальные и исторические последствия. Также мы видим, сколь устойчивыми могут быть границы обоих типов: первые в силу геополитических причин (мирный договор 1848 года действует до сих пор), вторые под действием геологических факторов (расположение, изменчивый уровень воды и береговая линия Рио-Гранде в наши дни сопоставимы с тем, что было в XIX веке, — можно сказать, что это примерно та же река). И эти параметры, геополитические и геологические, вместе сохраняются в относительной неизменности на протяжении почти 130 лет. Они дополняют друг друга, словно именно для этого предназначены.

б) Израиль и Палестина²

Как область проживания палестинского народа Палестина существовала веками: начало заселения и возделывания этой земли не привязано к конкретной дате. Израиль, напротив, претендовал на эту территорию после принятия в 1917 году Декларации Бальфура.

Фактически создание поселений привело к экспроприации у палестинцев земли, которую они населяли и возделывали на протяжении веков. Экспроприация (*dispossession*), или, говоря обыденным языком, захват земель, подразумевает установление контроля над местом, где раньше жили другие люди, — люди, предполагавшие за собой право продолжать там жить на основании продолжительного обитания в данной местности (столь продолжительного, что зачастую невозможно назвать дату его начала). Даже если официально право на землю не установлено, местные жители, заселявшие ее на протяжении тысячелетий, считают, что могут проживать там и впредь. Такое мнение отнюдь не свойственно исключительно палестинцам. Коренные народы, заселявшие многие регионы Северной Америки, от Новой Англии до фронтиров Дикого Запада, считали так же. Вождь Сиэтл, как известно, утверждал, что эти земли не могут быть объектом купли-продажи в силу самого характера прав на них. В своей знаменитой речи 1854 года Сиэтл сказал: «Президент в Вашингтоне прислал сказать, что желает купить нашу землю. Но как можно купить или продать небо? землю? Для нас это странная мысль. Если прохлада воздуха и мерцание воды нам не принадлежат, то как вы можете купить их? Каждая частица этой земли для моего народа священная. Каждая блестящая иголка на сосне, каждая песчаная отмель, каждый клочок тумана в лесной чаще, каждый луг, каждая жужжащая букашка... Мы часть этой земли, а она — часть нас самих».

Эти слова недвусмысленно дают понять, что земли, на которых обитают коренные народы, не могут считаться собственностью, на которую распространяются законы рынка. Но утверждение Сиэтла вновь и вновь игнорировалось по мере того, как европейцы заселяли территории коренных народов на Среднем и Крайнем Западе Америки и объявляли эти земли «своими». Такова стратегия колониализма, осуществляемого путем создания поселений, в различных частях мира — включая многие палестинские территории, такие как Западный берег, которые подверглись вооруженному захвату израильских колонистов в то время, когда израильское правительство еще не объявило эти области доступными для заселения. Будь то посредством прямого захвата или правительственных распоряжений, насильственная оккупация палестинских территорий де-факто продолжает осуществляться.

Экспроприация территорий у коренного населения различными насильственными способами приводит к иному функционированию границ по сравнению с тем, что мы рассматривали выше. Если границы-полосы сохраняются в форме краев естественных черт палестинского ландшафта, от холмов до оливковых рощ, а в более широком смысле «от реки [Иордан] до [Средиземного] моря» (лозунг, отсылающий к полному вытеснению палестинцев с их родной земли; таким образом здесь границы-полосы не просто огораживают или локализуют, а маркируют зоны исключения), границы-линии оказы-

---

2 Мнения редакции в этом вопросе могут не совпадать с мнением автора.

ваются чрезвычайно зыбкими. Зачастую это фактическая «городская черта» конкретных израильских поселений — черта совершенно условная, потому что она появилась в результате насильственного захвата палестинских земельных участков. Захваченная территория может изменить очертания в любой момент, в зависимости от действий израильских колонистов. По иронии судьбы, будто выполняя завет вождя Сизтла, здесь не происходит покупка или продажа земли, но это отнюдь не связано с тем, что сама земля является священной (как считают многие коренные американцы). А связано это со страстным стремлением разместить израильские поселения, место для которых находится по прихоти колонистов.

После того как в определенном месте произошел захват, граница-линия может быть проведена по внешнему периметру конкретного поселения. Но эта граница определяется не договором между колонистами и теми, чья земля подверглась экспроприации (как в случае границы между США и Мексикой в 1848 году, которая была установлена в результате совместных обсуждений с участием представителей обеих сторон), а прямой оккупацией. Очень часто такая оккупация подразумевает применение силы со стороны колонистов, которые нередко вооружены (в особенности после атаки ХАМАС 7 октября). ООН сообщает о том, что после 7 октября 2023 года произошло почти шестьсот нападений израильских колонистов на население Западного берега. Многие из этих атак были тесно связаны с попытками захватить палестинские земли, меняя тем самым фактические локальные границы в конкретном регионе.

В этой беспокойной части Ближнего Востока границы-линии и границы-полосы приобретают совершенно иное значение, нежели в более стабильных обстоятельствах, как например, в случае американо-мексиканской границы. Тот рубеж, прозванный «Ла Фронтера» (буквально, «граница», или «фронт-тир»), сохраняет свои очертания на протяжении длительного времени, по-прежнему пролегая по Рио-Гранде, которую можно понимать как двойную границу, одновременно полосу и линию. В сегодняшней Палестине, заселенной израильянами, мы видим оба этих вида рубежей в совершенно иных ролях. С одной стороны, границы-линии становятся в высшей степени условными, так как зависят от поступков отдельных израильских колонистов, действующих с разрешения или по меньшей мере при попустительстве израильских властей. Такие границы часто меняют свои очертания и протяженность. С другой стороны, функция границ-полос сводится к тому, чтобы определять внешние края земельных участков (включая сады и оливковые рощи), которые подвергаются прямой экспроприации.

Заметим, что во всех описанных выше сюжетах ключевую роль играет *земля*. Это обстоятельство отнюдь не является тривиальным или само собой разумеющимся. В нем фундаментальным образом укоренены границы обоих типов. Как мы убедились, обладание землей реализуется путем проживания на ней, будь то в течение веков или недолгого промежутка времени в новейшей истории. Ни в том, ни в другом случае земля не является объектом *собственности*, как в капиталистической экономике, скорее ее *присваивают* себе те, кто на ней живет. Это в первую очередь относится к тем, кто населяет землю длительное время, *обрабатывая* ее, зачастую из поколения в поколение. Благодаря этому непрестанному труду живущие на земле могут справедливо и обоснованно называть ее *своей*, без необходимости доказывать, что они ею *владеют*.

Более того, в случаях долговременного проживания границы обоих типов нелегко отделить от тех земель, которые они очерчивают. Они словно сопровождают территории, помогая ориентироваться на ней и поддерживая людей, которые ее населяют. Только при негативном развитии событий, например в ситуации отчаянной нужды в деньгах, чтобы приобрести предметы первой необходимости, эти люди столкнутся с искушением объявить землю *своей* собственностью. Напротив, у тех, кто хочет увеличить размер своей «недвижимости» (показательный термин, подразумевающий неизменность, фиксированное местоположение), чаще всего возникает потребность объявить землю *своей*, даже не имея на то никаких оснований, кроме чистой жажды приобретений — обладания *все большей площадью земли* в качестве осязаемого знака собственной власти и права занимать часть определенного региона.

Таким образом мы оказываемся у истоков капиталистической экономики, то есть форм собственности, несущих с собой измеримую денежную стоимость. Экономика такого типа процветает в условиях четких линейных границ, отражающих точный размер конкретной единицы имущества, позволяя ей участвовать в рыночном обмене, где «стоимость недвижимости» требует наличия таких границ в качестве неотъемлемой составляющей определения площади земли («участка»), которую можно иметь в собственности или продать.

Описанные мною границы-полосы ведут нас в другом направлении — в сторону признания уважения к неустранимой природной топографии, к тому, что *дано* людям, а не *взято* ими. В этом качестве границы-полосы неотъемлемо присущи земле, ее рельефу и свойствам. Рассматривая этот вопрос далее, мы осознали, что границы-полосы заложены в строении планеты, в тех слоях ее поверхности, которые находятся под почвой. Как и утверждал вождь Сизтл, планета Земля в качестве основы всего противостоит оценкам в категориях стоимости недвижимого имущества. Она *до-монетарна* и предшествует таким проявлениям власти, которые мы видим в израильских поселениях на Западном берегу. Если землю как слой почвы можно измерить в чисто количественных терминах (представьте себе грядку картофеля или кукурузное поле в качестве примера), планета Земля сопротивляется любым подобным попыткам четкого определения.

Почва представляет собой лишь один из слоев земли. Сам по себе этот слой неустранимо двойствен: одна его часть направлена вверх, на ней осуществляется сельское хозяйство и строительство, задействующие определенные земельные площади. И в то же время этот слой уходит вглубь Земли, которая противостоит человеческим махинациям и манипуляциям.

В этом смысле сам этот слой никогда не превратится в недвижимость и не будет обладать «стоимостью собственности». Он предшествует прочерчиванию границ-линий (которые можно разметить лишь на поверхности суши и моря), но лежит в основе границ-полос, придающих территории определенный вид, что позволяет людям ориентироваться на земле.

Тем более справедливо утверждение вождя Сизтла, что невозможно назначить цену на землю — в действительности, оно наиболее справедливо в отношении Земли. Ведь Земля является в конечном счете бесценным элементом в жизни человека, животных и растений. Она предшествует границам обоих типов, первым еще в большей степени, чем вторым. Агенты по недвижимости и колонисты-поселенцы в равной мере обходили и игнорировали этот фактор.

Земля — это априорная стихия, которая существовала изначально и будет существовать до тех пор, пока существует жизнь.

Хотя коренные народы поддерживают тесные отношения с землей... Это не отношения контроля... Земля — это мать, которая кормит нас всех. Суверенитет, если понимать его как мое право на ответственность, требует выстраивания отношений с территорией (причем не таких отношений, которые были бы основаны на контроле над этой территорией...) Таким образом, необходимо осознать, что требование аборигенных народов, чтобы признавался их суверенитет [над землей] в действительности означает притязание на ответственность.³

Одно из логических следствий этой заключительной линии моего рассуждения (о том, что земля предшествует всему и кормит всех обитателей ее поверхности) сводится к тому, что чем более мы готовы признавать приоритет земли, тем меньше мы способны отделять друг от друга два типа границ. Мы видели пример подобного разделения в случае американо-мексиканской границы, где официальная граница между двумя государствами может быть корректно изображена в виде *линии*, тогда как граница-полоса соотносится с непрерывно меняющимся потоком воды, который представляет собой река Рио-Гранде. Но в Израиле после 1947 года разница между границами-линиями и границами-полосами начинает схлопываться. Линейные границы израильских поселений постоянно меняются, по мере того как их жители стремятся расширить свои политические и военные полномочия. Бессмысленно было бы пытаться нанести эти границы на карту, учитывая скорость, с которой увеличиваются поселения. А естественные черты ландшафта отступают на второй план перед лицом насильственной оккупации новых территорий. Но именно эти черты являются основанием границ-полос, понимаемых как неотъемлемая конфигурация территории — земли, которая представляет собой внешнюю оболочку самой Земли.

Пер. с англ. Ксении Гусаровой

---

3 Monture-Angus P. *Journeying Forward*. Halifax: Fernwood, 1999. P. 36. Цит. по: Nichols R. *Theft is Property! Dispossession and Critical Theory*. Duke University Press, 2020. P. 29.